

ФИЛОСОФИЯ ПАТРИАРХАЛЬНОСТИ В ПЬЕСАХ А.Н.ОСТРОВСКОГО

*Вахидова Нигора Абдузугуровна
преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самарканского государственного педагогического института;
Фарходова Хулкар Фахриддин кизи
студентка 3 курса факультета языков
Самарканского государственного педагогического института.*

Аннотация. В этой статье мы рассматриваем мир пьес Островского не просто как рассказ о жизни купцов, а как исследование жесткой системы, где старые правила убивают всё живое. Патриархальность здесь — это не добрые семейные традиции, а «темное царство», в котором время остановилось, а страх стал главным законом. Автор анализирует, как герои вроде Кабанихи заменяют искренние чувства пустыми ритуалами: им не важно, что человек чувствует, важно лишь, чтобы он соблюдал внешние приличия. В таком мире «самодурство» богатых стариков — способ показать свою безграничную власть над теми, кто от них зависит. Главный конфликт пьес Островского — столкновение живой, стремящейся к свободе души с каменными догмами общества.

Ключевые слова: А. Н. Островский, патриархальность, «темное царство», самодурство, Домострой, духовный деспотизм, нравственный конфликт, Катерина Кабанова, традиционализм, внутренняя свобода, десакрализация, человек-товар, русская драматургия XIX века.

Творчество Александра Николаевича Островского традиционно ассоциируется с детальным изображением быта русского купечества XIX века, однако за внешними атрибутами старого уклада — самоварами, тяжелыми платками и степенными разговорами — скрывается глубокая и трагическая философия патриархальности. В пьесах драматурга этот мир предстает не как уютная гавань традиций, а как «темное царство», где время намеренно остановлено, а человеческая личность полностью

принесена в жертву незыблемому канону (2. 38). Здесь патриархальность выступает не просто формой жизни, а жесткой идеологией, в которой формальный ритуал окончательно вытесняет живое чувство, а порядок держится не на любви, а на страхе и беспрекословном подчинении старшим. Заповеди «так положено» и «что люди скажут» превращаются в инструменты духовного насилия, создавая герметичное пространство, в котором любое проявление индивидуальности воспринимается как святотатство. Весь драматизм Островского строится на этом фатальном столкновении живой, стремящейся к свету души с «каменным» законом системы, которая предпочитает смерть любому движению или развитию. Это исследование агонии старого мира, где суровая мораль предков постепенно теряет свой сакральный смысл, превращаясь либо в пустое самодурство, либо в холодный рыночный расчет, лишающий человека права на внутреннюю свободу.

Философская конструкция патриархального мира у Островского держится на двух фундаментальных столпах: власти ритуала и культе страха. В центре этой системы стоит фигура самодура, который является не просто домашним тираном, а хранителем незыблемого порядка, где личный произвол оправдывается древним обычаем. Для таких героев, как Марфа Кабанова, традиция — это не живая память, а жесткий каркас, призванный задушить любую попытку индивидуального самовыражения. В «Грозе» мы видим, как Кабаниха превращает семейную жизнь в непрерывное совершение обрядов: прощание с мужем, поклоны, причитания — всё это должно исполняться механически, без тепла, лишь потому, что «так положено». В этой философии внешняя благопристойность становится важнее внутренней правды, а лицемерие возводится в ранг добродетели. Патриархальность требует от человека полного самоотречения в пользу коллективного «мы», где старшее поколение обладает монополией на истину, а младшее — обязано пребывать в состоянии вечного инфанилизма и страха. Страх в «темном царстве» — это главный онтологический закон; без него, по убеждению Дикого или Кабанихи, мир рухнет и превратится в хаос (3. 45).

Однако трагедия этой системы заключается в том, что она не способна развиваться и неизбежно пожирает собственных детей. Конфликт Катерины с миром

Калинова — это не просто семейнаяссора, а столкновение двух непримиримых мировоззрений: естественной, стихийной свободы и безжизненной догмы. Катерина, чья вера основана на любви и поэзии, не находит места в системе, где религия превращена в инструмент запугивания адом и гееной огненной. Патриархальная философия Островского беспощадна: она исключает компромисс. Человек в ней либо ломается, превращаясь в безвольную тень, как Тихон, либо уходит в циничное притворство, как Варвара, либо выбирает смерть как последнюю доступную форму протеста. В более поздних произведениях, таких как «Бесприданница», мы наблюдаем закономерную деградацию этого уклада. Когда сакральный страх перед Богом и предками исчезает, на его место приходит холодный расчет (7. 112). Бывшее «темное царство» превращается в гигантский рынок, где патриархальные понятия о чести и роде сменяются биржевыми котировками. Кнуров и Вожеватов — это наследники Дикого, но уже лишенные его суеверного трепета; для них всё в мире, включая человеческую душу и красоту, имеет свою цену. Таким образом, патриархальность у Островского проходит путь от величественной, хотя и страшной, неподвижности до полного морального банкротства, где личность окончательно превращается в вещь, в предмет торга на аукционе жизни.

Фундамент патриархальной философии в мире Островского покоится на идее абсолютной неподвижности. Для «отцов» этого мира любое изменение равносильно катастрофе, поэтому жизнь в городе Калинове или в купеческом доме Замоскворечья превращается в бесконечный цикл повторения прошлого. Марфа Кабанова выступает здесь не просто как суровая женщина, а как верховный хранитель канона, для которого время — это враг. В её понимании, если перестать соблюдать ритуалы предков, мир рассыплется. Эта философия не допускает сомнений: ритуал замещает собой веру, а форма — содержание. Страх перед «новшествами» заставляет патриархальное общество возводить не только материальные, но и духовные стены, превращая жизнь в герметичную камеру, где воздух становится всё более затхлым.

Вторым важным элементом этой системы является специфическое понимание человеческой субъектности, а точнее — её полное отсутствие. В патриархальном

мире Островского человек не принадлежит самому себе; он является лишь звеном в цепи рода или деталью в механизме сословия. Самодурство Дикого или деспотизм Брускова — это не просто дурной характер, а форма поддержания иерархии. Самодур транслирует волю, которая не обязана быть логичной или справедливой, она должна быть просто неоспоримой. В этой системе координат право на голос имеет только тот, у кого в руках сосредоточен капитал и власть, в то время как молодые поколения обречены на «молчание в тряпочку» (4. 115). Это лишает личность права на внутренний рост, создавая общество моральных карликов и запуганных теней.

Особого внимания заслуживает роль страха как единственной связующей нити между людьми. Патриархальность у Островского не знает категории милосердия; она знает только категорию наказания. Религия в сознании Кабанихи или Феклушки превращается в набор пугающих образов, где гром — это не природное явление, а гнев божий, карающий за несоблюдение обряда. Этот тотальный страх перед небесной и земной карой парализует волю героев. Даже любовь в таких условиях становится греховной и опасной, так как она предполагает выход за рамки предписанного поведения. Жизнь превращается в постоянное ожидание удара, что делает невозможным любое искреннее человеческое сближение.

Конфликт между «живым» и «мертвым» наиболее остро проявляется в женских образах. Патриархальная философия отводит женщине роль безмолвной исполнительницы, хранительницы быта, лишенной права на чувства (5. 78). Катерина Кабанова становится экзистенциальным врагом системы именно потому, что она «живая». Её вера — это не страх перед адом, а радость от полета птиц и красоты храма. Столкновение Катерины с Кабанихой — это столкновение поэзии и прозы, свободы и тюрьмы. Трагический финал «Грозы» доказывает, что патриархальный мир не способен ассимилировать живую душу: он либо ломает её, либо выталкивает в смерть. Самоубийство героини здесь — это акт высшей свободы, единственный способ сохранить чистоту в мире, пропитанном ложью.

По мере исторического движения, которое Островский фиксирует в своих поздних пьесах, мы видим, как суровая патриархальность теряет свою «честную»

жестокость и превращается в голый цинизм. В «Бесприданнице» старые заповеди Домостроя уже не работают, но на их место не приходит новая гуманность. Напротив, место сакрального страха занимает холодный расчет. Кнуров и Вожеватов — это новые лица старой системы; они всё так же лишают человека субъектности, но теперь делают это через деньги. Если раньше Кабаниха требовала верности обряду ради порядка, то теперь Паротов и его окружение требуют покорности ради личного удовольствия и выгоды. Патриархальность мотивирует в капитализм, сохраняя свою главную черту — отношение к человеку как к вещи. Завершая этот философский анализ, стоит отметить, что Островский рисует картину неизбежного краха «темного царства». Система, построенная на подавлении жизни, не имеет будущего. Крах Ларисы Огудаловой или гибель Катерины — это приговор миру, который отказался от любви в пользу власти и денег.

Подводя итог, можно утверждать, что философия патриархальности в драматургии А. Н. Островского — это масштабная трагедия человеческого духа, запертого в тесных рамках изжившего себя уклада (б. 99). Драматург убедительно доказывает, что любая система, строящаяся на подавлении личности, страхе и слепом следовании ритуалу, обречена на внутреннее гниение и неизбежный крах. «Темное царство» Островского оказывается не просто историческим этапом русской жизни, а универсальной моделью закрытого общества, в котором закон традиции становится выше милосердия, а власть самодурства полностью уничтожает доверие между людьми. Судьбы его героинь, Катерины и Ларисы, служат вечным напоминанием о том, что живая душа не может существовать в атмосфере духовного удушья: она либо выбирает путь смертельного протesta, либо окончательно превращается в предмет торга. Эволюция патриархального мира от жестких заповедей Кабанихи до холодного цинизма Паратова показывает, что без любви и свободы любая «честь» превращается в лицемерие, а любой порядок — в тиранию. Философский финал пьес Островского — это не только реквием по уходящей эпохе, но и предостережение о том, что общество, лишенное уважения к индивидуальности, неизбежно теряет свое человеческое лицо, оставляя после себя лишь руины несбывшихся надежд и выжженную пустынью одиночества.

Список использованной литературы:

1. Островский, А. Н. Полное собрание сочинений : в 12 т. / А. Н. Островский. — М. : Искусство, 1973–1980.
2. Добролюбов, Н. А. Луч света в тёмном царстве / Москва, 1995.
3. Писарев, Д. И. Мотивы русской драмы / Москва, 1982.
4. Лакшин, В. Я. Александр Николаевич Островский / В. Я. Лакшин. — М. : Гелиос, 2004.
5. Журавлева, А. И. А. Н. Островский-комедиограф / А. И. Журавлева. — М. : Изд-во МГУ, 1981.
6. Лебедев, Ю. В. Художественный мир Александра Островского / Ю. В. Лебедев. — М. : Просвещение, 1982.
7. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства и купечества / Ю. М. Лотман. — СПб. : Искусство-СПБ, 1994.